

А 2005
5898 KZ

МАРАЛ ЫСКАКБАЙ

**Женщина
не влюблявшаяся
ни разу**

МАРАЛ ЫСКАКБАЙ

**Женщина
не влюблявшаяся
ни разу**

"АУДАРМА" БАСПАСЫ
АСТАНА — 2004

ББК 84 Каз 7-44

Ы 88

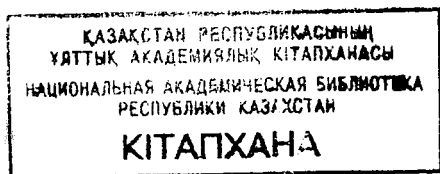
ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ МИНИСТЕРСТВА ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ыскакбай Марал.

Ы 88 Женщина, не влюблявшаяся ни разу. *Повести и рассказы.*
Перевод Л. Обуховой и С. Сокпакбаевой
Астана: Аударма, 2004. — 272 стр.

ISBN 9965-18-110-1

Включенные в книгу повести и рассказы “Мое соседство с посланницей ангела смерти”, “У открытых ворот потустороннего мира”, “Желтый верблюд Арпабека”, “Охотник” и другие хорошо известны широкой читательской общественности и в свое время получили положительные отзывы литературных критиков. Авторизованный перевод с казахского языка был осуществлен известным московским прозаиком Л. Обуховой.

Д 4702250201-116
00 (05)-04

ББК 84 Каз 7-44

ISBN 9965-18-110-1

© Ыскакбай М., 2004
© «Аударма» баспасы, 2004
© ООХКГ Казахстана, 2004

A decorative border with intricate, repeating floral and scrollwork patterns surrounds the central text.

ПОВЕСТИ

ОХОТНИК

Балташ выехал верхом, не дожидаясь восхода солнца. Каурый белогривый конек бодро позвякивал удилами. Он все норовил ухватить верхушки терпко-душистого синеголовника, росшего по обочине, и с аппетитным хрустом жевал на ходу. В изобильном травостое предгорий попадались островки чистой люцерны; ее стебли тесно переплелись между собой, а красно-фиолетовые мелкие цветы, подобно огонькам, манили взоры человека и лошади. Каурый не мог пропустить излюбленное лакомство. Едва не обрывая поводья, он окунал морду в густые травы.

Балташ поначалу равнодушно наблюдал прожорливость белогривого. Когда это ему надоело, он невежливо огрел коня плетью. Тот вздрогнул и пустился торопливой рысью. Балташ успел отвыкнуть от верховой езды, в седло садился не чаще раза в год, и вскоре почувствовал, как тряска выворачивает его внутренности. Придержав поводья, он вернул каурого на ровный спокойный шаг.

Благодатные дожди этой весны не могли не радовать душу охотника. Все последние годы земля предгорий страдала от длительной засухи, как от изнуряющей болезни. Навсая родные места, Балташ замечал, как скудеют травы его детства, а те, что кое-как пережили напасть, выглядели и впрямь тяжело больными: вместо богатого разнотравья лишь редкие пучки лепились вдоль дорог, подобно сироткам у чужого порога. Балташу казалось, что эти сырые растения уже никогда не обретут прежней пышности, не распустят свежих почек.

Но вот земля вдоволь напилась весенней влаги и стала возвращать себе прежнюю красу. Трудно сказать, что прекраснее ранним утром – румяно алеющее небо или многоцветные склоны хребтов. Пахучая трава своим

яростным ростом спешила вознаградить землю за долгие страдания: белогривый утопал в ней по брюхо.

«Как все похорошело вокруг», - подумал Балташ, невольно любясь окрестностями. Такое травяное буйство, он помнил, царило лишь в конце шестидесятых годов.

Он ехал сейчас вдоль Имантаевского ручья, забирая на восток, пока силуэт Табан-Кайнара не встал прямо перед ним, и лишь тогда свернул к югу, в сторону ущелья Анарбек, где прежде в изобилии водились могучие архары и маленькие пятнистые елики¹. Нетерпеливый охотник уже предвкушал, как взвалит на круп коня знатную добычу.

Среди разросшихся яблонь-дичков он заметил старый скотный двор, сложенный из камней. Не сходя с седла, сорвал зеленое яблоко, попробовал его на зуб и тотчас выплюнул. Кислота и горечь. «Апырау, как мы могли объедаться ими в детстве?» - с удивлением подумал он.

В голодноватые сороковые годы вся ребятня аула Кок-Каптал уже с начала лета устраивала набеги на едва отцветшие яблоневые деревца. Сверкая голым телом сквозь дыры ветхой одежки, сорванцы по-обезьяньи карабкались по ветвям и набивали животы незрелыми плодами, мелкими, как верблюжьих катышки. Рот сводило оскоминой, в желудках начиналась резь, но мальчишки и домой приносили полные сумы, утоляя неодолимую тягу к этой кислятине. Лишь в конце лета уцелевшие фрукты в саду наливались настоящим сладким соком...

Время, которое вспоминал Балташ, было скудным, без особых радостей и удовольствий, а на сердце у него потеплело. Хорошо бы собрать снова всех приятелей тех лет! Вечно веселые, прожорливые, как саранча, они встречались по утрам с таким нетерпением, будто не виделись целые годы, а, расходясь по домам, остаток неизрасходованных сил растрчивали в беззлобной драке. Всякий раз, добираясь до этих дальних мест, кромсали самодельными лезвиями стволы, оставляя на память свои имена. Балташ поглядывал на стволы тальника и морщинистую кору яблонь со смутной надеждой отыскать зарубки. Заросли тальника заметно поредели, а многие

¹ Е л и к - разновидность ольсы.

яблони порушило ветром или повалил топор. Даже в этой заповедной глуши на каждом шагу видны были разрушительные следы человека. «Вырубают все без разбору, черти!» – с досадой подумал Балташ. Недавнее умиление безвозвратно погасло в его душе.

Он сорвал узкий, острый лист кияка, дунул в него, зажав двумя пальцами. Раздался звук, похожий на бляение олененка. Не отзовется ли на манок доверчивый елик? Он долго вслушивался: отклика не последовало. Балташ подозревал, что дело это безнадежное, и все-таки раз за разом повторял жалобный зов.

Заросли безмолвствовали. Он не улавливал ни малейшего шороха, ни одно копытное не паслось поблизости. Слышалось лишь наглое стрекотание сорок, да где-то вдаль, у самого подножия скал, в низком кустарнике щелкали соловьи. «Кажется, поредели не только деревья», – подумал Балташ.

Он снова сел в седло и перевалил невысокую гряду по направлению к Малому Чимбулаку. Под утренним ветерком вершина холма колыхалась серо-серебристыми волнами ковыля и поспевающего мятлика. На каждой травинке играли первые лучи солнца.

Созерцательность, в которую погрузился Балташ, бездумно покачиваясь в седле и лениво понукая каурого, внезапно была нарушена отрывистым ржанием чужого коня. Он встрепенулся и направил взгляд в ту сторону, куда наострил уши белогривый. «Кому бы это рыскать в такую рань? – подумал Балташ с досадой. – Простофиля из аула ищет заблудившийся скот? Или же кто-то с ружьишком успел перебежать мне дорогу? Двоим в этом ущелье делать решительно нечего!» Опытный охотник понимал, что на легкую добычу надеяться теперь не стоит. Он со злостью стал поворачивать каурого на восток, к горам, но его догнал грубоватый окрик:

– Эй! Не Балташ ли это? Ассалаумагалсйкум! Больно стал важный... С чего ты поворачиваешься задом вместо приветствия?

Так и есть. Беркинбай. Один из тех босоногих приятелей, с которыми он тряс зеленые яблоки в овраге. И глаза прежние: словно подсолненные вечной издевкой. Никуда не денешься. пришлось остановиться.

Ровесник сощурил ехидные глаза, растянул до ушей рот, обнажая редкие зубы. Протянул руку.

– Опять приехал стрелять бедных зверюшек? – сказал он хриплым голосом. – Один ты изничтожил их в наших горах больше, чем все другие вместе взятые! Право, хотелось бы, чтобы в отместку у тебя на лбу оленье рога выросли! Ну, был мальцом, палил по глупости. А теперь-то? Побойся аллаха!.. Пора уняться.

– Что ты на меня накинулся? Ни слова не спросил о делах, не справился о здоровье. И на тебе, бранишься, обвиняешь... Завидуешь, что архар достанется мне, а не тебе? – Балташ говорил с усмешкой, старательно пряча обиду на сверстника и неудовольствие от этой встречи.

– Было бы чему завидовать! Какие тут архары? Вы скоро последнего зайца изведете!

Беркинбай подтрунивал, но смысл его слов был далек от шуток.

Балташ терпеть не мог людей, которые совались с поучениями, выставляли себя защитниками обиженной природы. В сущности, отвечать ему было нечего, и он поспешил перевести разговор на другое. Сделал вид, будто интересуется аульными дружками. Беркинбай отвечал коротко. Балташ слушал его вполуха. Уже расставшись, он продолжал гадать с неприязнью: «И чего его носит до зари по такой глухомани?» Он позабыл, как совсем недавно с теплотой вспоминал друзей детства, мысленно воскрешал их общие шалости и забавы. А ведь Беркинбай как раз был одним из самых закадычных друзей! Выходит, тосковал вовсе не по сверстникам, а лишь по собственному прошлому...

Придерживая твердой рукой повод белогривого, он шагом спускался по солнечной стороне ущелья, которое упиралось в отрог Малого Чимбулака. По лесистому дну ущелья протекал ручей; вдоль его течения Балташ решил пустить лошадь. Судя по густоте камышей в буераке, ни люди, ни скот сюда не забредали. Он углубился в заросли, затем спешился, расседлал каурого, стреножил его и пустил пастись. Конь, который ничего не знал о привычках случайного седока, обрадовался и поспешил воспользоваться временной свободой. Стало слышно, как он тяжело переступает спутанными передними ногами и хрустит сочной травой.

Балташ оглянулся: куда бы спрятать седло с уздечкой? Высокорослые заросли сасыра¹ с желтыми зонтичными соцветиями и мясистыми стеблями показались вполне подходящим тайником. Чтобы не потерять это место, он заметил поворот ближнего утеса. Опясавшись патронташем, охотник заботливо прицепил к поясу плоскую флягу с шалапом – напитком из простокваши и воды, спустил пониже закатанные рукава лямочной клетчатой рубахи (специально надел, чтобы ничем не выделяться среди камней и зелени) и, обезопасив тем самым руки от колючек и жалящих насекомых, легко вскинул на плечо двухстволку.

Он шел бесшумной настороженной походкой следопыта, решив основательно прочесать ущелье, готовый уловить любой шорох. Кроме бульканья ручья да щебета птиц, ничто бы отвлекало бы его внимания, если бы в ушах не звучал с назойливостью ядовитый упрек Беркинбая. «Чтоб ему! – сердито подумал он. – Норовит куснуть или уколоть, будто я его соперник. Угораздило же нас столкнуться! Утверждает, будто я перебил здесь всех зверей... А ему-то что? Он пастух, ну и следил бы за своим стадом! Что у нас общего? Встретились в кои-то веки и разошлись. Можем вообще никогда больше не увидеться. Хозяин здешних мест он, что ли? Благодетель природы выискался!..»

Охваченный раздражением, Балташ прибавил было шагу, но узкая тропинка вдоль дремучих камышей густо заросла лисохвостом и конским щавелем, которые путались в ногах, подобно надоедливому щеняткам. По коленям хлестала горная полынь, а рослый черныбыльник, целебный девясил и другие высокие растения достигали плеча и даже щекотали лицо. Хотелось думать, что травы рады ему, напутствуют его и желают доброй охоты...

Черная вязкая почва прилипла к подошвам. Он с наслаждением вдыхал крепкий травяной воздух, подобный перебродившему кумысу. Иногда обоняние ловило и гниловатый дух мелкого болотца. Над головой плыли белые облака, а по склону ущелья переливались красками горные цветы, напоминающие улыбки застенчивых

¹ С а с ы р - зонтичнос растение до полутора метров высотой.

девушек. Разноцветные бабочки – бело-лимонные, оранжевые, бордовые – с заботливостью цветоводов обмахивали крыльями каждый венчик, ласкали усиками каждый лепесток. Ягоды диких вишен, росших между камней, невинно сверкали в лучах солнца, будто дешевые сережки в ушах девочки-подростка.

Северная сторона ущелья оставалась еще в глубокой тени и еле пробуждалась от сна, как ленивая молодуха, которая медленно потягивается и зеваает во весь рот. Кусты жимолости, покорно гнулись под прохладным ветром...

К Балташу вернулась прежняя умиротворенность. Тихая прелесть утра наполнила грудь бодростью. Он был сейчас как ребенок, которому досталась яркая игрушка и, к сожалению не перед кем было ею похвастаться. Он двигался удивительно легко; каждая клеточка тела, подобно певучей струне, дрожала от переполняющих его сил.

Взобрался на пригорок, и глазам открылась новая картина. Россыпь голых камней уткнулась в подножие утеса, а между горами зеленели небольшие рощи, полные разноголосым птичьим щебтанием. Вершины ближних деревьев клонились под тяжестью гнезд. Раза два он почти наткнулся на сидящего в камнях кеклика¹. Но такая дичь показалась Балташу слишком мелкой и нестоящей. Его по-прежнему влекла надежда напасть на крупного зверя.

Дальше тропка разветвлялась, и Балташ свернул по ущелью влево. Плоское дно его было влажным здесь журчал ручей. Пушистый травостой манил обильем любого копытного, да и человек готов был, кажется, с наслаждением уткнуться лицом в мягкие листья.

Поперек русла опытный глаз охотника заметил тесные тропы, хотя следов на земле не обнаружил. Он стал присматриваться с особым вниманием к травам и увидел, что верхушки их обкусаны. На водопой могли спускаться с гор елики и даже архары. Вон сколько тропок выбито копытами. Хорошо бы затаиться и подстеречь... Если в ближайшие часы ему на мушку никто не попадет, он, пожалуй, так и поступит.

¹ К с к л и к - горная куропатка.

Он шел, утопая по колена в мягко шелестящих травах, как вдруг из-под самых ног вспорхнула птица, величиною с шапку. Балташ невольно вздрогнул и от неожиданности споткнулся. Скорее всего, то был крупный шиль¹. Таков уж нрав этой птицы – затаится без движения, и, лишь когда на гнездо почти наступишь, она срывается с места. Охотник зорко оглядел траву. Что-то шевельнулось у стеблей. Подобно осколкам взорвавшейся гранаты, во все стороны брызнул пестрый выводок. Птенчиков куропатки было не менее шести-семи. Куда они могли исчезнуть так молниеносно? Словно капли воды, которые впитались в песок. С малолетства Балташ пытался поймать хоть одного птенца. Но глаза всякий раз разбегались, и, пока он соображал, за которым из них погнаться, из глаз пропадали все.

«Природа умеет хитрить, – невольно восхитился охотник. – Если бы они убегали гуськом, как птенцы кеклика, этим беднягам, живущим на равнине, ни за что бы не выжить. Легкая добыча любому хищнику!»

Он миновал ущелье и поднимался теперь по острым камням. Иногда останавливался, озираясь. Не похоже, что тут можно встретить зверя.

Высоко в небе над самой его головой парил коршун с белыми пятнами у основания раскинутых крыльев.

Под ногами неумолчно стрекотали насекомые, хлопотливо чирикала птичья мелочь. Изредка раздавался крик кеклика. Но чаще всего на глаза попадались сороки и вороны. Это злило Балташа. «Если так пойдет дальше, – думал он, – проклятые падальщики заполнят собою весь мир!»

Он медленно взбирался вверх по хребту, останавливаясь лишь для того, чтобы перевести дух. Солнце палило уже вовсю. Хотелось прочесать ущелье по ту сторону седловины. Охотничий инстинкт подсказывал, что среди дремучего тугая, в сплошной стене шиповника, который издали казался неказистым и как бы стелющимся по земле, а на самом деле мог скрыть человека в полный рост, скорее всего и могут встретиться горные козлы. Не удивится Балташ, и если попадутся следы волка или лисицы.

¹ Ш и л ь - разновидность куропатки.

Он охотился в этих местах уже почти двадцать лет, поднимался на каждую скалу и излазил все изгибы горной гряды от Шубар-Байтала да Арпа-Тектира, что в поперечнике не менее тридцати километров. Но лишь дважды повернул своего коня в глухое ущелье по правую сторону хребта. Впервые это произошло в конце шестидесятых, когда он был совсем молодым. Сюда его погнала мечта настрелять сурков для зимней шапки, столь модной в ту зиму среди городской молодежи. Страдая от зависти, Балташ при пустых карманах нашел единственно доступный ему выход – охоту.

Он с детства слышал от стариков в ауле, что множество сурчиных нор, целое их поселение находится под самым Табан-Кайнаром. Но из местных на сурков никто не охотился. По старинному поверью, считалось, что безобидные сурки происходят от людей, некогда провинившихся перед аллахом. Вина забылась за давностью лет, а кара по-прежнему тяготеет над сурчиным народом. Попавшие в капкан сурки плакали крупными человеческими слезами, и редко кто из ловцов выдерживал это зрелище: зверьков отпускали. Впрочем, ловушек те обычно сторонились, а пулей добыть сурка еще труднее. Если не собьешь наповал первым же выстрелом, сурок мгновенно нырнет в свое земляное жилище; они от нор далеко не отходят. Остается кусать с досады пальцы.

Даже подобраться на нужное расстояние к норам - дело непростое, требует ловкости и сноровки. Говорят, что некая малюсенькая пичуга вьет гнездышко возле сурчиной норы, прыгает и щебечет, предупреждая об опасности. Местные жители верили этим рассказам и относились к суркам миролюбиво.

Балташ, став горожанином, легкомысленно считал, что в родном ауле не произошло никаких перемен и что сурки, как во времена его детства, большими колониями обитают на прежних местах. Вот он и примчался за даровыми шкурками.

С невероятной осторожностью подкрался тогда к сурчиному поселению и долго сидел, приглядываясь издали. Сейчас уже не вспомнить, сколько часов провел в бесплодной засаде. Терпенье лопнуло, он неожиданно поднялся во весь рост и двинулся без утайки к норам. Что

же оказалось? Все они были давно заброшены, входы засыпаны землей. Лишь колыхалась на ветру паутина. То ли сурков истребили, то ли сами зверьки переменяли обиталище из-за частого посещения этих мест людьми? Вот и пришлось нетерпеливому тогда Балташу перемахнуть через хребет в правостороннее ущелье. Там ему повезло: он выследил сурчиную колонию, два дня подстерегал, истратил с десятков патронов малопульки, но добыл-таки три шкурки на шапку. С тем и возвратился в город.

В тот раз его целью были только сурки, но он видел мелькавшие тени архаров, замечал острым охотничьим глазом, как за камнями хоронились пугливые елики.

Куда же девалось зверье теперь? Ведь он до сих пор не наткнулся ни на один след. Не заметил горного козла хотя бы вдалеке. Мелькнувший силуэт мог подкрепить его надежду, подогреть охотничий пыл. Неужели и эта глушь стала нынче проходным двором для всевозможных бродяг с ружьями?!

Едва он представил себе пришлых охотников, которые способны лишь распугать зверя, как почувствовал к ним острую ненависть. Он словно забыл на этот час, что и сам приезжает сюда ненадолго, выслеживает архаров вовсе не для питания, а единственно ради азарта охоты, и что другим, как и ему, тоже приятно размять кости после сидячей жизни, а потом похвалиться в городе рогами и шкуркой погубленных без толку животных.

Истребив всю живность у подножия Слутора, двуногая эта саранча принялась прочесывать вершины. Никто уже не хотел бродить пешком и в одиночку: наезжали шумными компаниями на «газиках» и «Нивах». А ведь для автомобиля триста километров не расстояние! Как же Балташу, местному уроженцу, не кипеть завистью и раздражением против пришлых налетчиков?..

Его родной аул Кок-Каптал с небольшой молочной фермой (где он переночевал прошлой ночью) в пятидесятых годах был еще самостоятельным колхозом. Единственная улочка тянулась менее чем на километр, а среди мужчин – пастухов и землепашцев – единственным охотником считался он, Балташ, тогда еще совсем зеленый юнец, почти подросток. Если домашним не хватало снеди

или хотелось свежего мяса, он брал в руки ружье и отправлялся на несколько дней в горы, к которым вплотную примыкали колхозные нивы. Стоило ему лишь посвистать травяным манком, подражая голосу заблудившегося олененка, как на зов доверчиво спешил золотисто-коричневый слик. Оставалось не пропустить шевеления пшеничных колосьев, точно направить ружейный ствол...

Чего только не случалось с ним в прежние времена! Пай-пай! Никогда не забыть, как босоногая стайка мальчишек отправилась однажды ранней весной в низовья Имантаевского ручья собирать дикий лук и ревень-татыран. Да, да, к тому самому Имантаевскому ручью, который он проехал вброд несколько часов назад на белогривом... Сначала мальчишки шлепали по горячей пыли проселочной дороги, которая вела в сторону Колючего плато, затем свернули к ущелью. Оно не имело имени, а с тех пор, как там опрокинулся комбайн, называлось просто оврагом, где перевернулся комбайн. По солнечному склону этого ущелья следовало свернуть к западу. Теснина постепенно расширялась, превращаясь в узкую долинку, и в ней-то они наткнулись на целую плантацию ревеня. При одном этом слове у всех аулчан, даже у почтенных старцев, начинали течь слюнки от предвкушения лакомства. А уж ребятня накидывалась на него с алчностью голодающих. Отталкивая друг друга локтями, они с хохотом ломали мясистые стебли, сдирали зубами кожуру и жевали, хрустели, брызгая кисло-сладким соком. Ни руки, ни ноги, ни рот не знали и минуты передышки. Они перебегали с места на место, наламывали целые охапки и, лишь немного утомившись, сходились в кружок, начинали хвалиться друг перед другом добычей. Для дома отбирали лишь самые ровные, прямые и крупные стебли. Их очищали от листьев и лишних отростков, перевязывали гибким рогозом и, перекинув охапку за спину, отправлялись в обратный путь.

Сказалась ли усталость, но связка ревеня постепенно стала тяжелой, как свинец. Добравшись до дороги, мальчишки скинули ношу и разлеглись на обочине кверху пузом. Им лень было переброситься даже словом. И вдруг со стороны оврага встало облачко полу-прозрачной пыли

и на дорогу вывалило стадо огромных баранов. Их вел серый самец с немислимыми рогами. За ним теснились крупные овцематки. Животные шли как-то боком, поминутно испуская странное фыркание. Детям не пришло в голову, что на них наткнулось стадо горных архаров. Где видано, чтобы дикие животные шли на водопой среди бела дня да еще по проселочной дороге! Решили, что с дальней фермы перегоняют колхозную отару. «Давайте навьючим на них наши связки, заодно поможем пастухам гнать овец к аулу», – предложил кто-то.

Их удивило, что отара оказалась совсем небольшой. И пастуха не видать. Вожак первым остановился возле ручья, опустил морду к воде, но не успел тронуть ее губами, как насторожился: ветерок донес до него ребячий гомон. Вся отара вмиг сорвалась с места и помчалась в сторону гор, пока полностью не растворилась в солнечном мареве. Ребята орали и гикали вслед. По ущелью разносилось гулкое эхо.

«А ведь в том табунке было не меньше двадцати архаров!» – подумал Балташ с запоздалым сожалением. Как безбоязненно разгуливали животные под самым боком у людских жилищ! Овраг, где перевернулся комбайн, находится от аула километрах в трех, не больше. Доверчиво, беспечно соседствовали с людьми птицы и звери во времена его детства... Эх, натолкнуться бы на подобный табунок сейчас, сегодня!..

Он продолжал упрямо карабкаться по каменистой осыпи и, не находя никакого намска на следы животных, поневоле углублялся в отрадные воспоминания о том времени, когда стоило отойти на две-три версты от аула и уже можно было перекинуть через седло упитанную тушку... То, что количество зверей из года в год все уменьшалось, его, сказать по правде, печалило не слишком. Но бесило, что ни один самый захудалый елик не попадает на мушку! Ведь он приехал специально аж из самой Алматы, чтобы взбодрить пропыленную на асфальте душу огоньком охотничьего азарта, но лишь понапрасну дырявит подошвы об острые камни да обливается потом на солнцепек. Ну, не обидно ли? Хотя бы мельком показался кто-нибудь на вершине, поманил издайска, все веселее было бы продираться сквозь колючие заросли. Тсперь он отчасти сочувствовал запальчивости солсноглазого

Беркинбая: «Его можно понять. Я приезжаю сюда раз в год, а он рыщет по холмам изо дня в день. С души воротит от такого запустения!»

Но о чем бы Балташ ни размышлял, его натренированный слух чутко ловил малейший шорох, а глаза так и впивались в окружающее с дотошностью дозорного на посту. Почти возле самых ног надоедливо вилась пичуга в желтом оперении, охая до кузнечиков и мелких мотыльков.

Внезапно на плоском камне шевельнулось темное пятно, особенно заметное в отвесных солнечных лучах, которые щедро освещали осыпь.

Балташ мгновенно подобрался, как хищник перед прыжком. Но это оказалось всего-навсего тенью все того же парящего в вышине коршуна с белым подкрыльем. Настроение у охотника портилось все безнадежнее. Столько ждал от этой поездки, так к ней готовился...

Справа по верхушкам трав пробежала волна, будто прошелся маленький вихрь по желтоватым метелочкам. Всем телом он дернулся в ту сторону и увидел небольшое животное, которое удирало со всех ног, мелькая сероватой спиной. Вскинуть ружье, прицелиться и спустить курок было делом нескольких секунд. Еще не успев выстрелить, он уже сообразил, что пробежал совершенно бесполезный для него барсук, — и все-таки выпустил заряд. Грохот выстрела прокатился по дремавшей в полуденном зное ложбинке, отразился от ближней скалы и замирающим эхом покотился все дальше и дальше в горы.

Первый меткий выстрел взбодрил приунывшего охотника. Он поспешно обогнул ползучий куст колючек с кроваво-красными цветами и нагнулся над убитым барсуком. Перевернул зверька на бок. Так и есть, пуля угодила под правую лопатку, именно туда, куда он целился. Это наполнило его сердце горделивым ликованием: чувством, понятным только охотникам. Приподняв тушку за заднюю ногу, Балташ подержал ее на вытянутой руке, мысленно прикидывая вес. Зверек оказался упитанным. Ради доброй приметы, чтобы приманить удачу на дальнейшее, он вырвал пучок барсучиной шерсти и сунул в нагрудный кармашек.

Барсук же так и остался лежать в траве — неожиданным угощением какому-нибудь проходящему мимо хищнику.

Между тем звук выстрела переполошил пернатое население Малого Чимбулака. С карканьем, свиристеньем и клетотом взлетели тучи птиц. Среди их гомона слух охотника безошибочно засек дробь копыт по камню.

Как ни мимолетен был этот звук, Балташ его уловил и накрепко запомнил. По тяжести топота — архар или горный козел.

Цепляясь за ломкие веточки кустов, за суховатые травы на крутом подъеме, он поспешил вперед. Начали ныть икры ног, отвыкнувшие от длительных перегрузок. То ли подъем был особенно труден, то ли просто сказывался возраст: Балташ вступил в пору четвертого мушеля¹. Пришлось малость постоять, пережидая отдышку. Он бросил взгляд на оставленное ущелье и с удивлением увидел, что оно оказалось далеко внизу. Выходит, что до вершины не так уж и много?

Над головой вместо неба нависал острый каменный выступ. Угрюмые скалы, нагромождение голых камней, выглядели угрожающе. Казалось, стоит сделать один неверный шаг, как обломки сорвутся с привычных мест, с грохотом покатаются вниз, гигантским камнепадом сметая на пути все живое и мертвое. Балташ невольно подумал, что если бы ему посчастливилось вместо барсука подстрелить елика или архара, то какого адского труда стоило бы дотащить тушу до камышовой ложбинки на дне ущелья, где оставлен белогривый...

В ушах его вновь прозвучал цокот копыт. Любой здравомыслящий человек отступил бы от изнурительной погони, не захотел обдирать коленей и рук, взбираясь по крутизне.

Но Балташ продолжал упрямо карабкаться. Чем недоступнее и труднее путь, тем больше вероятности, что он достигнет желанную добычу! Высмотрев боковой выступ, охотник двинулся по этой обходной тропе, которая и служила, видимо, привычным путем для горных козлов. Он боялся верить себе, но вдали среди камней четко обрисовался силуэт рогов. Балташ поспешно навел бинокль... да, конечно, то был крупный самец, который вовсе не ожидал опасности сзади и обернулся в противо-

¹ М у ш е л ь - по казахскому летоисчислению, повторяющийся двенадцатилетний цикл, которым измеряется человеческий возраст.

положную сторону. Из-под его бороды вынырнула вторая голова с жующими челюстями: коза безмятежно паслась под охраной своего властелина.

Чтобы подобраться к ним поближе, Балташу снова пришлось карабкаться в гору, хорониться за каменными выступами. У него оказалось сложная задача: не мешкать, но при этом двигаться бесшумно и осторожно. Самый пустяковый камешек, сорвавшийся из-под ноги, мог свести на нет все прежние усилия. Даже треск согнувшейся ветки, достигни он слуха козла, произвел бы мгновенное действие: животные исчезнут, словно привиделись во сне.

Обливаясь потом и изо всех сил пытаясь сдерживать шумное дыхание, Балташ добрался до подножия скалы. Он очутился среди причудливого нагромождения острых зубцов и каменных завалов. Хорошо бы подкрасться к козлу сверху, чтобы отрезать ему путь к отступлению. Но куда там! Вершинка — такая близкая глазу, — словно стряхнула с себя всю каменную мелочь, путь вверх был усыпан скрипучими осколками. Разве только кошачьи лапы могли бы пройти по ним, не производя шума. Охотнику с полным снаряжением это явно не под силу.

Что поделать! Пришлось продолжать обходной путь по узкому карнизу, стараясь не оступиться, не скользнуть подошвами по острым осколкам.

Сердце сильно стучало. Не хватало кислорода. Он старался дышать потише приоткрытым ртом, не втягивая воздух со свистом и не выдыхая шумной струей. Любой звук сейчас был опасен. Весь смысл жизни сосредоточился для охотника на двух ничего не подозревающих животных с широко расставленными рогами. Все радости огромного мира сошлись в единственной мечте: добыть зверя! Если бы за его ловкими настороженными движениями мог наблюдать кто-то со стороны, то, аллах свидетель, он не сумел бы отличить гибкое скольжение человеческого тела от почти таких же повадок горного животного. На какое-то мгновение охотник распластался на камне, подобно летучей мыши, прицепившейся острыми коготками к уступу. В следующую минуту он уже полз на четвереньках по-медвежьи. Все вверх, вверх! Ему оставалось напрячься для последнего броска. Желанная цель уже маячила перед глазами...

Вдруг тонкое, как лезвие ножа, ребро камня подломилось под правой ногой, упершейся в него всей тяжестью тела. Ненадежная опора треснула и выскользнула из-под подошвы.

Мысль о том, что он погиб, полоснула мозг.

Не успев даже сделать попытки ухватиться за колючий куст, охотник стремительно покатился вниз. По пути острые камни раздирали его тело, несколько раз он ударился со всего размаха о твердые выступы и лишь затем грохнулся в густой кустарник, остановивший падение у самого подножия скалы.

Зловещий хруст отозвался во всем его существо. То ли это подломились под тяжестью тела ветви таволги, то ли он услышал треск собственных костей?

«Кажется, я переломал себе ноги», – смутно подумал он, проваливаясь в небытие. Белый свет потух перед его глазами вместе с сознанием.

Очнуться его заставила непереносимая боль. Он вслушивался в нее, но, как ни старался, не мог определить источника. Ныло, рвало и кололо повсюду. Медленно, едва приподнимая веки, он приоткрыл глаза.

Он лежал в кустах плашмя. Прямо над ним в высоком небе парил коршун с белыми пятнами у подкрылий. Он видел птицу, но не мог взять в толк, что это такое и имеет ли к нему хоть малейшее отношение. Глаза смежились вновь. Некоторое время он лежал совершенно неподвижно, все более и более приходя в себя. Уже осмысленно прислушиваясь к боли, проследил ее начало где-то в бедре. «Повредил позвоночник или сломал берцовую кость?» – тревожно подумал он. Опершись на локти, сделал попытку приподняться, но жалящая боль ударила прямо в мозг и вместе с пронзительным криком опрокинула навзничь. Изо всех пор выступил холодный пот.

Балташ долго еще не смел шевельнуться и лежал, не меняя положения. Мозг осаждала отчаянная мысль: «Что же мне теперь делать?!». Валяться без попытки найти хоть какой-то шанс к спасению бессмысленно. В бездеятельности гибель, это-то он понимал. Пока что выяснил одно: самостоятельно передвигаться он не в силах. Но есть ли хоть малейшая польза от такого вывода? Посмотрим, посмотрим...

Он осторожно пошевелил пальцами ног: их подвижность не утеряна. Слегка согнул левое колено. Кажется, коленная чашечка цела. Но зато правая нога при первом движении послала в мозг знакомый сокрушительный удар. «Она-то и повреждена», - решил он. Вернее, так решило его истерзанное тело. «Как же это все-таки стряслось со мной?» – Не додумав до конца, он сосредоточился на более важном: почему так тяжело приподнять грудь? Ведь покалечено бедро? Впрочем, если оно вправду раздроблено, это означает лишь одно – конец. Ему ни за что не добраться с открытым переломом до белогривого, который остался глубоко внизу. Теперь этот конь для него более несбыточная мечта, чем недавно был горный козел на вершине. Какая жалость, что он не добрался верхом хотя бы до той поляны, где пальнул в барсука! И зачем, зачем преследовал горного козла с таким ожесточением, словно одержимый кровной мстью?!

Он боялся сознаться самому себе, что ожидай его белогривый на поляне, это мало бы что изменило: в нынешнем состоянии ему немислимо спуститься с крутизны. Пока что задача намного скромнее – слегка шевельнуться и лечь поудобнее. От неестественной позы или от того, что горло заложило твердым комком, а в спину давило обломанным суком таволги, – дышать становилось все труднее. Он протянул руку к ближайшему кусту, ухватил крайнюю ветку и, притягивая к себе весь гибкий ствол, крепко вцепился в него. Второй рукой упершись в землю, скрипя зубами от боли, попробовал выпрямить туловище. Как ни рвала боль раненое бедро, Балташ не выпустил ствол таволги и не упал навзничь. Зажмурившись, он заставлял себя сесть прямо. Это убедило его, что позвонки не задеты. При падении с кручи он повредил только правую ногу. Но что там – вывих, перелом? Слегка коснулся больного места рукой – сознание снова помутилось. Вернулось прежнее ощущение, что боль повсюду, во всем теле.

Только сейчас он обратил внимание на то, что зрение с одной стороны затруднено, словно что-то заслоняет глазницу. Пощупал пальцами – здоровенная опухоль, веко заплыло.

– Здорово же меня исковеркало! – сказал он вслух и ладонью повел по лицу. Со скулы текла кровь, под ухом

запеклась ссадина. Но острой боли он не ощутил и решил, что ранения поверхностны.

Головокружение проходило. Мыслям возвращалась четкость. Приходилось признать со всей беспощадностью: он находился в самом жалком и беспомощном положении! Что его ожидает? «Попробуем, как говорится, просеять сквозь сито свои беды. Апырау! Нельзя же покорно лежать распростертым в богом забытом углу! Ползком, на карачках необходимо добираться до коня, двигаться в сторону ущелья».

Он вспомнил о своем ружье и огляделся. Нигде не видеть. Должно быть, выпустил из руки при падении, а кусты таволги проглотили тяжелую железяку целиком, как вспаханная почва вбирает зерно. На глаза попался бинокль: зацепился за ветку и повис на ней невредимым. Будь Балташ здоров, стоило лишь чуть подтянуться, чтобы достать его рукой. С натугой повернув шею, он бросил взгляд за спину, и в нескольких шагах увидел верхушку ружейного ствола, который круглым черным дулом напомнил ему почему-то свиное рыло. Приклад раскололся при падении. «Жаль! Мог послужить костылем».

Балташ сделал повторную попытку приподняться, но болевой удар чудовищной силы, начавшись от бедра, вновь опрокинул его на землю. Однако обморока с ним на этот раз не случилось. Он лишь бессильно плакал и стонал судорожными злыми движениями вырывая и раскидывая вокруг пучки травы.

Постепенно боль не то чтобы вовсе прошла – скорее, потеряла остроту, оставив ноющую нескончаемую резь в костях и мышцах. Утомленный, он забылся короткой дремой, которая охватывает человека при крайней слабости.

Разбудила его жажда. Горло пересохло, небо стянуло горечью. Он лежал под палящим солнцем, прожаренный им насквозь. Рука инстинктивно потянулась к поясу, где раньше висела фляга. О, радость! Она оказалась на месте. Прокисшее теплое питье полилось в жаждущую глотку, как медовый нектар. Он захлебывался и давился большими глотками, пока не спохватился, что может так выпить в один присест все до последней капли. А ведь неизвестно, сколько придется пролежать здесь без помощи. Как бы

потом горько не осудить самого себя за теперешнюю неумную жадность!

Разбавленная водой простокваша пробудила внезапный голод. Живот подвело, засосало под ложечкой. «Хоть волком вой, больше не получишь ни капли», – строго сказал он желудку.

Балташ уже понял, что сегодня ему не сдвинуться с места, незачем себя понапрасну мучить. «Скоро станет вечереть. От ночной прохлады наверняка полегчает. К утру силы восстановятся». Так он уговаривал и обнадеживал себя, не позволяя мыслям хаотично разбредаться в разные стороны, но сосредоточивая их лишь на самом простом и насущном. Его вялость напоминала состояние впавшего в слабоумие. В памяти лениво бродили обрывки тусклых картин из далекого прошлого. Не останавливая внимания надолго, они сменялись другими, тоже без связи и смысла. Все это напоминало сбивчивый сон перед рассветом. Шея и бок нестерпимо затекли.

«О боже, перевернуться бы снова на спину», – мечтал он в полубреду.

Близко к полуночи он начал зевать, глаза смыкались, хотя бедро продолжало сверлить болью. Должно быть, рана воспалилась. Началась лихорадка. Прохладный горный ветер сотрясал его ознобом; потный лоб горел. Он пытался взглянуть на часы, но цифры и стрелки на циферблате слились в одно темное пятно. Кто бы подумал, что летние ночи так непроницаемо черны в горах! Он и без часов знает, что до рассвета далеко. Что с ним станет, если он будет так стучать зубами? Ему просто не дожидаться, пока взойдет солнце и согреет землю. Хотя бы повернуться на спину...

Мысль будоражила: «А что этому мешает? Ну, еще раз обожжет болью... Перстерплю». Он потрогал бедро: его сильно раздуло, кожа натянулась, как на барабане. Самое осторожное прикосновение было остро болезненно. Опухоль успела спуститься ниже к ступне. Надо скинуть ботинок, пока он еще снимается! Упираясь в его задник носком левой ноги, Балташ постепенно сумел это сделать, и ощутил гордость от своей крошечной победы.

Вокруг заметно свежело. Выросший в этих местах, Балташ знал, что к рассвету дыханье снежного Алатау еще

более остудит воздух. Место, где он лежал, не имело заслона; ветер дул с нарастающей силой. Поверженный охотник страдал от холода больше, чем от боли в бедре, которая слегка притупилась. Чтобы не заledenеть окончательно, он решился передвинуться, — чего бы это ему не стоило, — к подветренной стороне небольшой скалы. Она выпирала зубцом из твердой почвы.

Как и раньше, первое движение пронзило режущей болью всю правую ногу от бедра до ступни. Он, неутомимый ходок, обрыскавший все окрестные горы, не мог теперь одолеть нескольких метров! Слезы обиды и отчаяния выступали на глазах. Оборвав всхлипывания, сказал себе жестко: «Хуже смерти уже ничего не случиться», — и, приторочив поясным ремнем больную ногу к здоровой, он вобрал в легкие побольше воздуха, собрал остаток сил, оттолкнулся ладонью и перевалил себя на левый бок!..

Не дай бог никакому живому существу испытать подобные страдания! Каждый его волос и каждый ноготь наполнился мукой. Истощенный вопль разнесся по горам, пронзая темноту ночи, наводя оторопь на все живое. Это было настолько душераздирающим, что кожу на голове у охотника стянуло внезапным ознобом. Он испуганно вслушивался, как каменные громады перебрасывали друг другу одинокий жалобный голос и уносили его прочь, напрасно будоража безответные окрестности.

Впервые в жизни Балташ испытал страх перед горами. То ли его пугали ночные хищники, которые могли бродить поблизости, чуя свежую кровь, или же охватил древний мистический ужас перед темными силами потустороннего мира, перед всеми теми духами и бесами, которые вызывают улыбку при свете дня, но грозно воскресают в подавленном сознании при критической ситуации? Он долго еще не мог стряхнуть с себя этот парализующий, липкий бессмысленный страх, который оказался неожиданно сильнее телесных мук. Но понемногу теплота нагретой за день земли стала убаюкивать его. Он обложил себя со всех сторон пучками высокой травы и покорно ожидал рассвета.

Ночь медленно отступала, забрезжило утро. Постепенно развиднелось, и Балташ вернулся к неотступной мыс-